

Клеймо Тишины

Алексей Моргачев

Алексей Моргачев

Клеймо тишины

«Автор»

2026

Моргачев А.

Клеймо тишины / А. Моргачев — «Автор», 2026

Она родилась с пятном на плече. Оно никогда не беспокоило её — пока однажды не отозвалось на чужое зерно. Теперь она в закрытом институте. Здесь изучают Тишину — силу, которая не убивает. Она останавливает. Оставляет тело. Забирает душу. Вера — пятый носитель. Четыре до неё не вернулись. Её проводник — угрюмый Роман. Он учит её одному: «Не отвечай». Но Тишина умеет ждать. И она уже знает имя Веры.

© Моргачев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Звон крови	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Алексей Моргачев

Клеймо тишины

Глава 1. Звон крови

Сон начинался одинаково. Вера шла через поле. Пшеница доставала до плеч — золотая, тяжёлая, и ветер гнал по ней волны, как по воде. Она знала, что это сон, потому что настоящей пшеницы не видела уже очень давно. Только серую траву за стеклом. Только чёрный колос в боксе. Но здесь, во сне, всё было настоящим: и запах нагретой солнцем земли, и стрекот кузнечиков, и голос матери, доносившийся откуда-то из глубины поля.

Мать звала её. Не по имени. Это было то, что она не слышала с детства, когда она беззаботно бегала по солнечным полям. «Иди сюда, я тебе что-то покажу». И Вера шла, раздвигая колосья руками, и знала, что в конце поля её ждёт хлеб. Огромный, ржаной, с хрустящей коркой, которая лопается под пальцами, как тонкий лёд. От него шёл такой густой, тёплый запах, что во сне Вера застонала и перевернулась на другой бок, прижимая к груди жёсткую подушку.

Хлеб ей не давали уже полгода. Только синтетическую кашу, белую, безвкусную, похожую на размокший мел. Врачи говорили — диета. Вера знала — враньё. Просто настоящая еда стоила слишком дорого, чтобы тратить её на подопытную. Но во сне запретов не было, и она уже почти откусила первый кусок, почти почувствовала на языке эту невозможную, забытую сладость, — когда звон разбудил её.

Он был тонким. Не резким, не болезненным — а именно тонким, как нитка, протянутая откуда-то из-за стекла прямо к её виску. Вера открыла глаза и несколько секунд просто лежала неподвижно, глядя в серый потолок бокса и пытаясь понять, что не так. Сирена? Нет. Сирену она знала — та выла по утрам, когда начинался обход. Система вентиляции? Тоже нет. Та гудела басовито, как старый холодильник.

Этот звук был... осмысленным. Она села на койке, спустив босые ноги на холодный бетон пола. Камера была крошечной — всего четыре шага в длину, три в ширину. Койка, умывальник, унитаз без сиденья, стул. И стекло. Огромное, во всю стену, бронированное стекло, за которым в зеленоватом свете дежурных ламп находился образец.

Образец номер четыре. «Чёрный колос».

Официально он назывался *Triticum tenebris*, но персонал называл его просто «он» или «четвёртый». Вера помнила день, когда его принесли. Это было четыре месяца назад. Двое лаборантов в герметичных костюмах вкатили в бокс стеклянный куб на колёсах, и внутри, в спекшейся земле, торчал росток — тонкий, чёрный, похожий на обугленную спичку. Он не выглядел живым. Но когда Вера подошла к стеклу, он шевельнулся. Чуть-чуть. Совсем незаметно. Лаборанты не увидели. Она — увидела.

В боксе было ещё три образца, но те погибли в первую неделю — рассыпались трухой, не выдержав карантинных обработок. А четвёртый выжил. Мало того — он рос. Медленно, по миллиметру в неделю, но рос, хотя земли в его контейнере не было уже давно, только спекшаяся, мёртвая субстанция, похожая на угольную крошку.

Вера подошла к стеклу.

Колос стоял в своём герметичном кубе, одинокий, чёрный, словно вырезанный из обсидиана. Он был чуть выше колена взрослому человеку — Вера помнила, как полковник Звягин во время первой демонстрации встал рядом с кубом, и колос доходил ему до середины бедра. Стебель был тонким, но не хрупким на вид — скорее жилистым, перевитым, как канат. Листьев не было, только острые чешуйки, прижатые к стеблю. А на верхушке — сам колос, тяжёлый, налитой, склонённый набок, будто он действительно полон зерна.

Но Вера знала: никакого зерна там нет. Внутри колоса — споры. Миллионы микроскопических чёрных точек, которые при вскрытии оболочки разлетаются облаком и оседают на всём, до чего могут дотянуться. Ей показывали запись. Показывали, как споры попадают на пшеничное поле. Как через сутки колосья начинают чернеть. Как ещё через трое суток поле поёт.

Поёт.

Вот оно. Этот звон.

Она прижалась лбом к стеклу. Оно было холодным — в боксе постоянно поддерживали пониженную температуру, чтобы замедлить метаболизм образца. От стекла пахло озоном и чем-то химическим, больничным. За спиной, в коридоре, что-то гудело — вентиляция работала круглосуточно. Иногда к этому гулу добавлялись шаги: ночной обход, проверка датчиков, смена персонала. Вера выучила все звуки института за восемь месяцев — она могла определить время по тому, как часто хлопали двери в конце коридора.

Вера задержала дыхание и прислушалась.

Звон шёл из куба.

Это была не иллюзия, не шум в ушах после лекарств — Вера точно знала, потому что пробовала зажимать уши ладонями. Когда она зажимала уши, звон становился тише, почти исчезал. Когда отпускала — возвращался, ровный, чистый, вибрирующий где-то на границе слышимости.

Колос пел.

И в его песне было что-то, что Вера не могла назвать словами, но могла почувствовать — кожей, позвонками, корнями волос. Кожа на руках пошла мурашками. Воздух в боксе стал плотнее — звуки стали глуше, словно шли сквозь что-то вязкое. И вместе со звоном, внутри него, она различила ритм. Медленный, ровный — тук... тук... тук... — как удары сердца. Не её сердца. Чужого.

Это не было хаотичным шумом. В звоне проступал ритм, узор, почти мелодия. И мелодия эта странным образом напоминала... её имя. Не звучала как имя, нет — у колоса не было голоса, чтобы произнести «Ве-ра». Но рисунок звона, его повышения и понижения, его паузы и акценты — они ложились так, будто кто-то невидимый выводил слоги на острие иглы.

«Ве... ра...»

Она отшатнулась, но не отошла. Сердце забилося быстрее, во рту появился уже привычный металлический привкус — побочка от утренних инъекций. Вера судорожно сглотнула и заставила себя дышать медленнее, чтобы успокоиться.

«Оно тебя знает», — подумала она.

Это была странная мысль, чужая, непрошенная. Так не думают. Образец не может никого знать. Образец — это гриб, паразит, мутировавшая форма жизни, которая пожирает посевы и выделяет психотропные споры. Так говорил Звягин. Так говорили врачи. Так было написано в протоколах, которые ей давали читать — с купюрами, но давали.

Но сейчас, в три часа ночи, в тишине спящего института, Вера смотрела на чёрный колос и чувствовала, что протоколы врут. Потому что колос повернулся к ней.

Этого не могло быть — у него не было мышц, не было глаз, не было ничего, кроме стебля и спор. Но Вера видела чётко, ясно, без тени сомнения: когда она прижалась к стеклу, колос, до этого склонённый влево, качнулся и медленно, плавно, как подсолнух за солнцем, повернул свою чёрную голову вправо. К ней.

К ней.

Воздух в камере стал гуще. Или это только показалось? Вера не могла отвести взгляд. Колос и она — они смотрели друг на друга через бронированное стекло, и в этом взгляде не было угрозы. Было что-то другое. Что-то, отчего родимое пятно на левом плече вдруг потеплело, словно к нему приложили нагретую монету. Так уже бывало — когда брали кровь, когда

вводили препарат, когда она засыпала и видела во сне черные поля. Но сейчас – без причины. Просто от того, что она стояла у стекла.

Вера медленно, сама не понимая зачем, подняла левую руку и прижала ладонь к стеклу — ровно напротив колоса.

Он качнулся вперёд.

На какой-то бесконечно малый, почти незаметный глазу миг — но отозвался движением. Его верхушка коснулась стекла с той стороны, и Вера почувствовала, как по её ладони пробегает дрожь, будто стекло на секунду перестало быть стеклом и стало мембраной, соединившей их.

В этот миг она вспомнила отца. Он учил её считать — не на пальцах, на зёрнах. Доставал из мешочка горсть пшеницы, высыпал на стол и говорил: «Смотри. Каждое зерно — это будущий колос. А каждый колос — это новый хлеб. Так умножается жизнь. Раз, два, три...» Она считала вслед за ним, и голос отца звучал ровно, спокойно, как этот звон.

А потом всё прекратилось.

Звон стих. Колос замер, снова склонившись влево, к источнику дежурного света. Воздух стал обычным, прохладным. Родимое пятно на плече перестало пульсировать.

Вера отдернула руку и посмотрела на ладонь. Никаких следов. Кожа как кожа, чуть влажная, с голубоватыми линиями вен. Она перевела взгляд на колос. Тот стоял неподвижно, чёрный, блестящий, совершенно мёртвый на вид.

«Приснилось? — спросила она себя. — Или начались галлюцинации?»

В карте было написано, что на восьмой месяц терапии возможны слуховые феномены. Побочное действие препарата «Стерилин-4». Звон в ушах, шёпоты, ощущение чужого присутствия. Ничего страшного, сказал врач, это пройдёт, когда организм адаптируется.

Восьмой месяц шёл сейчас.

Но Вера знала разницу между шумом в ушах и тем, что случилось только что. Шум в ушах — он внутри. Он как вата, как заложенность, как комариный писк в глубине головы. А звон колоса был снаружи. Он входил в неё через уши, а не рождался внутри. И колос действительно шевельнулся. Она видела это.

Или не видела?

Она отошла к койке и села, обхватив колени руками. Спать больше не хотелось — адреналин вымыл остатки дрёмы. Вера сидела и смотрела на свои пальцы. Они не дрожали. Это было странно: она не чувствовала страха. Только холод. Холодное, спокойное, почти исследовательское любопытство.

«Если оно знает моё имя, — подумала она, — значит, оно не просто гриб. Значит, оно разумное?».

Эта мысль должна была бы её ужаснуть. Вместо этого она принесла странное облегчение. Потому что если порча разумна, то с ней можно договориться. А если можно договориться, то она, Вера, не просто пешка в чужой игре. Она — тот, кто знает то, что не знает полковник. А знание — это оружие. Единственное оружие, которое у нее есть.

Она легла обратно, натянув одеяло до подбородка, и стала смотреть в потолок. Где-то далеко, в коридорах института, гудела вентиляция. За стеной, в соседнем боксе, что-то щёлкнуло — наверное, автоматика включила ночной полив для образца номер два, того, что всё ещё пытались реанимировать. За стеклом, в зелёном полумраке, неподвижно стоял чёрный колос.

Вера думала о родителях. Мать, наверное, сейчас спит — или не спит, смотрит в потолок, как она сама. Отец — тот всегда засыпал быстро, но просыпался от любого шороха. Они жили на улице Нижней, дом семь, третий подъезд, четвёртый этаж. Однокомнатная квартира с обоями в цветочек. Герань на подоконнике в жестяной банке. Трещина на потолке, похожая на карту реки. Вера знала каждую деталь. Она повторяла их про себя каждый вечер перед сном, как молитву. Чтобы не забыть. Чтобы помнить, куда возвращаться.

И Вера чувствовала — нет, теперь точно знала, — что он тоже на неё смотрит.

Не глазами. Чем-то другим. Тем, что внутри спор, внутри корней, внутри этой чёрной, маслянистой субстанции, которую в протоколах называли «субстрат-альфа». Он смотрел и ждал.

Чего — она пока не понимала.

Но понимание придёт. Обязательно придёт. Вчера Звягин заходил в бокс лично — случай беспрецедентный. Стоял у двери, не снимая фуражки, и говорил коротко, рублено: «Послезавтра выходишь. Готовься. Детали утром». И ушел, не ответив ни на один вопрос. Значит завтра её выписывают. Завтра она впервые за долгое время выйдет за периметр.

И колос об этом знал.

Она закрыла глаза. В голове всё ещё стоял этот звон — тонкий, серебряный, почти нежный. И прежде чем провалиться в сон, Вера впервые за долгое время подумала не о побеге, не о страхе, не о родителях, которых не видела уже полгода — с тех пор, как начались инъекции «Стерилина-4», а о том, как странно устроен мир. Ты сидишь в клетке и думаешь, что ты одна. А потом оказывается, что клетка — это дверь. И кто-то с той стороны уже взялся за ручку.

Кто-то, кто знает твоё имя.

Засыпая, она не видела, как на чёрном стебле, в том месте, где он коснулся стекла, набухла крошечная капля. Не чёрная — серебристая. Она висела там ровно три секунды, а потом запульсировала с такт ее сердцебиению и беззвучно впиталась обратно, не оставив следа.

Колос слушал ее кровь через стекло. И слышал каждую ноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.